

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ТЕАТРУ. САТИРЫ—50 лет

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ—СМЕХ

Наши коллеги из театра МХАТ, театры сатиры и комедии встретились с группой актеров театра карловыми артистами СССР Г. Менглетом и А. Папановым, молодой актрисой Н. Корниенко.

Сегодня, в день рождения коллегия, мы публикуем интервью с ними.

Г. МЕНГЛЕТ

— Георгий Павлович, вам выпало на долю сыграть роли многих так называемых отрицательных персонажей. Как вы к этому относитесь?

— Мне действительно пришлось сыграть великое множество ролей нехороших, мешающих нам жить, отравляющих наш быт людей. Если говорить о чисто профессиональной специфике, то работа над этими ролями, я всегда старался, как мы это сформулировали для себя, найти «субъективную правду отрицательного персонажа».

Безвозвратно прошло то время, когда актер играл плохого человека, вращая глазами, пугая зрителя низким, угрожающим голосом. нынешний негодяй чаще всего прикрывается демагогической фразой, скрывает свою сущность. Как сделать, чтобы этот человек был со сцены узнаваемым?

Очень многое мне то, что одно время я был народным заседателем в суде. Там, пока мы разбирали дело, казалось, что вина доказана. А потом, на суде, преступник пускался во все тяжкие, ища доказательств своей правоты. Тогда-то у меня и зародилась мысль об этой «субъективной правде».

В Театре сатиры я уже много лет, знаю его задачи, цели. У нас очень часто главный герой отрицательный. Если мне удается сыграть его убедительно, вскрыть его «нутро» — это и есть мой вклад в борьбу за утверждение морали нашего общества.

— Но теперь у вас появились и герои другого типа — Каравай, Щеголов...

— Появились, и я бесконечно признателен моему театру и драматургам, которые открыли мне возможность сыграть их.

В комедии-репортаже А. Макашова «Таблетку под язык» — председатель колхоза Каравай. Признаться, в последние годы с подобными людьми в своей творческой лаборатории мне не приходилось сталкиваться. Дело не только в том, что для Каравая цель и смысл жизни ясны. Огромные духовные затраты, в которые он вкладывает себя без остатка, делают этот образ емким и интересным. Человек, который не знает слова «моя», но готов на все ради слова «наше»; человек, не знающий и не понимающий понятия «я» и «мы». Надо — значит могу. Такой человек в нашем обществе есть.

Это мысли и поступки не только Каравая, а многих наших людей. Поэтому мне очень помогло в процессе работы общение с людьми, которые так мыслят и так действуют. С людьми нашего подшефного колхоза в Солнечногорске.

О роли профессора Ивана Щеголова в «Пощечине» С. Михалкова я должен сказать вот что. То затеванное внимание, с которым зрители смотрят наш спектакль, доказывает, что, несмотря на несовершенство, он волнует их очень конкретно поставленной нравственной проблемой. Я подчеркиваю —

очень конкретно. Тут не просто сатирическое изобличение взяточника, даже не только и не столько разоблачение взяточника. Ведь театр, как говорил Маяковский, «не отображающее зеркало, а увеличительное стекло».

Хочу к этим двум моим ролям добавить еще «Темп-1929». Я благодарен судьбе, которая в сатирическом театре подарила мне счастье сыграть Серго Орджоникидзе — человека огромного государственного ума, государственного темперамента, государственного видения жизни и в то же время очень простого и человеческого.

— Значит, вам одинаково дороги ваши положительные и отрицательные герои?

— Не дороги, нет, но интересны одинаково. Я считаю, что, играя и негодяя, и человека, которым можно гордиться, я приношу пользу нашему обществу. Негодяя я высмеваю, зритель понимает это, и это помогает ему быть зорче. А главное, непримиримее к неправде, злу, обману.

И вообще роль смеха огромна.

Когда мы сыграли любимый всеми нами спектакль «Прощись и пой», один известный режиссер сказал: «Я пришел в театр с давлением 180, а ушел с давлением 130». По-моему, это прекрасная рецензия!

А. ПАПАНОВ

— Анатолий Дмитриевич, вы один из самых популярных комедийных актеров. Скажите, почему, на ваш взгляд, зритель смеется, встречая вас на сцене, на экране? Как вам удалось достичь живой реакции зала?

— Во-первых, это зависит не только от меня, но и от людей, сидящих в зале. Зритель, приходящий в театр (или в кино), в общем подготовлен к тому, что сейчас увидит. И тут моя задача — не обмануть его надежды. Хотя это и условное деление, но можно сказать, что в нашем театре есть свой зритель. Мы знаем, что ему будет нравиться, что его будет смешить, что заставит задуматься. И, наоборот, если бы мы показывали свой спектакль перед зрительней Государственного театра, то реакция зала была бы иной.

Во-вторых, вот мы сказали «комедийный актер». Мне кажется, для настоящего актера нет определенного амплуа. Все зависит от роли. Не актер примеряет на себя роль, а скорее, он должен отталкиваться от роли, идти от нее в процессе работы. Скажем, Николай Гриценко. Это актер перерождения. Мы можем по-разному относиться к его работам, но когда мы идем смотреть его, всегда уверены, что в этот раз он будет иным, чем раньше. Среди множества его работ такие полярные, как князь Мышкин в «Идиоте» и Тарталья в «Принцессе Турандот».

— И все-таки вернемся к комедии. Нет ли у вас каких-то проверенных актерских приемов, при помощи которых можно оживить зал, заставить посмеяться?

— У меня есть один принцип. Если я вкладываю в роль всю свою энергию, душевные силы, всю страсть, то это и есть слаженный успех. Даже если назвать это не так громко, то по крайней мере это — всегда отдача.

Н. КОРНИЕНКО

— Нина Григорьевна, вы ведь не так давно в Театре сатиры, а у вас уже несколько отличных ролей. Это типичная судьба молодого актера в нашем театре?

— У меня все сложилось очень удачно, и во многом помог случай. Дипломный спектакль в Школе-студии МХАТ, которую я заканчивала, был «Безумный день, или Женитьба Фигаро» Бомарше. А в то же время в Театре сатиры ставился этот спектакль. И случилось так, что пригласили меня. Я продолжала учиться и уже играла в театре. Когда наступил момент распределения, который чаще всего решает актерскую судьбу выпускников театральных вузов, у меня были некоторые преимущества.

Но вообще у нас молодому актеру житье хорошо. Это могут подтвердить мои товарищи. Пять человек с нашего курса были взяты в театр, среди них Алеша Левинский и Таня Ицкивич, которые, помоему, стали уже довольно широко известны, много играют. Кстати, из театральной школы мы принесли с собой форму студийной работы. И хотя страшно уставали, так как репетировать приходилось после вечернего спектакля, это нам во многом помогало. Мы поставили «Балаганчик Дона Кристофаля» Ф. Г. Лорки и «Метаморфозы» по «Золотому ослу» Апулея. Поставили их с элементами биомеханики, которыми мы, тоже в студийном порядке, занимались в театре. И если «Балаганчик Дона Кристофаля» мы и сейчас показываем на вечерах театра, то очень жаль, что вторая работа ни за что не вылилась.

— Вы заняты сейчас во многих спектаклях, что же заставляет вас заниматься еще и в студии? Может быть, все же творческая неудовлетворенность?

— Нет, нет, мне очень нравятся все роли, которые я играю. Но хочется полное узнать свои возможности. Совсем недавно мы разговаривали с друзьями о том, что сделали, предположим, Яковлеву — Яковлевой, Фрейндлих — Фрейндлих или Чурикову — Чуриковой? Что означает для актера быть «во времени», быть современным...

— Извините, я перебыл вас. У каждой из перечисленных вами актрис есть то преимущество, что она нашла «своего» режиссера. У них в определенном смысле есть и возможность выбора материала, который им нужен. Можете ли вы это сказать о себе?

— У нас в театре несколько иной принцип. В репертуаре я не выбираю — мне дают роль. При всем том, думаю, что это ни в коей мере не ущемляет актера, так как главный критерий здесь — успех нашего общего дела, успех спектакля. Новичку, пришедшему в театр, всегда дают возможность проявить себя. И уж если получится... Знаете, лично мне очень важно сознавать, что я нужна в театре, это очень помогает, дает силы двигаться вперед.

ВЫСОКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ САТИРЫ

Мне всегда казалось, что не случайно наш театр находится на площади Маяковского, что дворик в подвале театра отдает нам памятные залы комедии и основательно советской сатирической драматургии.

Графический профиль В. Маяковского — эмблема нашего театра. Его эстетические принципы лежат в основе нашей работы, его произведения всегда занимали первую строчку в нашем репертуаре.

Вслед за Маяковским мы считаем, что театр — не зеркало, а увеличивающее стекло. Оно словно установлено между двумя и залом, и зритель видит сквозь его выпуклую поверхность то, что может строительною новой жизни, нашему прогрессу, нашей ответственности в будущем.

Сатира всегда была и остается сегодня искусством важным, нужным, действенным. Еще Ф. Достоевский писал, что трагическое — сатирическое — две сестры. Возможность сатиры огромна, неисчерпаема. Мобильность, юмор, ирония, сарказм, гротеск, сатира способны совместно и беспощадно ополчаться на то, что тормозит развитие общества, ибо ни одно строительство невозможно на неразчищенной площадке.

Маяковский показывает нам пример, как нужно «за дня в

день, настойчиво и целеустремленно, бороться с трудностями, рожденными здравием».

И вместе с тем он дает нам высокий образец уважения к средствам сатиры, красоты новой жизни, коммунистического идеала, он разрешает ряд сложностей. В этом высшем смысле советской комедии, смысле работы нашего театра.

Я мог бы назвать ряд спектаклей, в которых эти принципы воплощаются в эту театральную практику, обратят конкретность. Конечно, прежде всего это спектакли о современности, такие, как «Заточенный апостол» по пьесе А. Макашова, в которой глубокий психологический образ создается из яркой сатирической заостренности, его же «Таблетку под язык» — произведение, осязаемое, емкое, добрым юмором. Ныли последние примеры — «Пощечина» С. Михалкова, поднимающая важнейшую моральную проблему, и обзорное «Маленькая комедия большого дома» — лирическое повествование о Москве и москвичах. Разные произведения, исполняющие разного рода функции из богатого арсенала сатиры.

Когда-то на спектакле «Бани» в Театре Вс. Мейерхольда зал аплодировал лозунг В. Маяковского: «Долой бутылоч-

ские тиражи и сор, переделывай жизнь, коммунистически!» Он современен и сегодня, этот лозунг. Он зовет и разговору о реальной, а не выдуманной, бутылочной жизни, он учит активной отношению к действительности, и тому, чтобы «строить и менять, а не стоять на обочине жизни сторонним наблюдателем, он обращен к гражданственным чувствам художника, к его коммунистическому мироощущению. И хотя Маяковский говорит о режиссере, наверное, можно и нужно отнести этот призыв к каждому, кто служит искусству своими мыслями, чувствами, талантом.

У советских театральных деятелей в крови ощущение «понимание искусства театра как мощного средства эмоционального воздействия на духовный мир современника. В глубинах внутреннего единения сцены и зрительного зала — счастье советского художника, ответственность его труда. Там надо быть достойным этой высокой миссии.

Об этом мы думаем сегодня, празднуя полувековую юбилей нашего театра.

В. ГЛУЧЕК,
главный режиссер Театра
сатиры, народный артист
РСФСР.